

Кошельков В.А., аспирант, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет».

ПРОСТРАНСТВО СЛУХОВ В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье представлена история, география и содержание циркулировавших слухов среди жителей Псковской губернии в первой трети XIX в. Изучена историография и источниковая база по данной проблеме. Документы, раскрывающие содержание слухов, концентрируются в делах 20 фонда Государственного архива Псковской области. На основании анализа этих источников была произведена периодизация циркулирования слухов. Среди основных периодов распространения слухов на территории Псковской губернии выделяются июль – август 1812 г., 1822–1826 гг., 1826–1830 гг. и начало 1830-х гг. Автором выявлены причины, побудившие зарождение слухов среди жителей Псковского края. На отдельных примерах раскрывается реакция простого населения губернии на военные слухи 1812 г. Особое внимание уделяется и реакции губернских властей на распространение ложных слухов во все периоды их циркулирования. Автором сделаны выводы о высоком значении слухов в вопросе изучения истории социального пространства Псковской губернии первой трети XIX в. Работа является актуальной по причине того, что именно в последние десятилетия заметно возросло внимание исторического сообщества к вопросам социальной истории. Уникальность настоящего исследования заключается в том, что ряд исторических источников впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: социальная история, социальное пространство, военные слухи, слуховедение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-02-77-82

Циркулирование слухов характерно для любого общества и эпохи. Слухи являются важным элементом исторического процесса, и привлекают немалое внимание у современных исследователей. По справедливому замечанию А.К. Егорова, слухи «формируют как фон исторических событий, так и непосредственно воздействуют на эти события» [2, с. 3]. Само рождение слухов может быть связано, с одной стороны, с желанием общества узнать правду или же напротив – желанием эту правду исказить. Слухи являются естественной реакцией социума на резонансные события и своеобразным компенсатором отсутствия информации.

Нужно сказать, что исследователи особое внимание изучению слухов уделили только в последние десятилетия. Советский и российский историк Кабанов В.В. указывал, что отечественная наука такой феномен как слухи обходила и не придавала им особого внимания. По его мнению, рождение слухов связано с крупными поворотами в истории, например, голодом, войнами и восстаниями, революциями [3, с. 255].

Одной из наиболее существенных работ, в которой была показана значимость слухов в социальной истории является труд И.В. Побережникова «Слухи в социальной истории: типология и функции» [5]. Историк отмечает, что в XVIII – XIX вв. слухи составляли важную часть социального пространства, так как они зачастую сопутствовали социальным и социально-политическим конфликтам [5, с. 47].

Конечная цель данного исследования состоит в выявлении характера циркулирующих слухов среди жителей Псковской губернии, определении круга проблем, тревоживших население Псковской губернии, временных рамок распространения слухов, а также социального состава распространителей.

В истории Псковской губернии первой половины XIX в. известно несколько периодов циркулирования слухов. Согласно сохранившимся документам в Государственном архиве Псковской области, первая волна циркулирования слухов была связана с событиями Отечественной войны 1812 г. Хронологически слухи охватывали период июля – августа 1812 г.,

то есть время продвижения французской армии вглубь Российской империи.

Несомненно, Отечественная война оставила огромный отпечаток в общественной жизни России 1812 г. и как масштабное событие начала XIX в. породила огромное количество слухов и домыслов среди простого населения губерний Российской империи [4] и Псковская губерния в данном случае не стала исключением. Расположение Псковской губернии, граничащей с Санкт-Петербургской и Витебской губерниями, обуславливало возможность проникновения французов на ее территорию, а также ведение военных действий вблизи ее границ. Непосредственная близость Псковской губернии к западным границам Российской империи предопределила специфическую коммуникацию местного населения о скором приходе французской армии, породила страхи и переживания, которые в совокупности составили слухи жителей Псковской губернии.

Самым частым предметом слухов 1812 г. являлись пути следования французских батальонов вблизи Псковской губернии, что наводило страх на жителей. Так, барона Розена тревожило, что резервные французские батальоны следуют в Ригу, что по его мнению напрямую представляло опасность для жителей Псковской губернии. В рапорте нижнего земского суда на имя губернатора П.И. Шаховского от 2 августа 1812 г. сообщается, что крестьяне графа Фитенгофа разглашают слухи о скором приближении французских резервных батальонов в Псковскую губернию, наводя тем самым страх на близлежащую округу. Про аналогичные слухи мы узнаем из рапорта помещика Михаила Меншикова на имя вице-губернатора Х.П. Ренненкампа, датированного 30 августа 1812 г. Крестьян тревожило «надвигающиеся бедствие гарнизонного батальона», они кричали, что «французы вслед к нам идут» и тем самым возмущали народ [6, л. 9].

Наиболее полно источники освещают слухи за июль 1812 г. Из донесения великолукского дворянского предводителя на имя губернатора П.И. Шаховского от 23 июля 1812 г. мы узнаем о том, что «с 18 по 20 июля в г. Великих Луках произошло беспокойство и волнение между некоторыми дворянами-обывателями и крестьянами» по поводу приближения французских резервных батальонов [6, л. 6]. Сообщается, что кто-то оставил дома и «забрав лучшее имущество удалился по селениям отдаленным к лесам» [6, л. 6]. В своем донесении великолукский предводитель дворянства предполагает, что волнения в городе возникли в результате «проезда по Торопецкому тракту из Великих Лук чиновника господина Лашкарева со здешним священником Яковом Кузминым» и их крикам «по всей дороге», чтобы жители спасались, «ибо французы за ними вслед идут» [6, л. 6]. В этом же донесении содержалась информация, что, несмотря на усилия полковника Николая Львовича о «воздержании возмущения», все равно «тревогу продолжали делать до самого города» [6, л. 6]. Вторая причина, по которой жители Великих Лук были так испуганы, заключалась в том, что солдат, «приехавший в середине июля из Белорусской губернии», на площади «перед разными обывателями кричал», что французы «ежели не сегодня, то завтра к обеду верно будут здесь» [6, л. 7]. Все это наводило страх на жителей и некоторые в спешке покидали свои дома и уходили в леса.

В рапорте Великолукского земского исправника Мекинина от 20 июля 1812 г. на имя губернатора П.И. Шаховского сообщалось, что 20 июля «по утру близ моей квартиры замечено много незнакомой команды» и какой-то «незнакомый человек распространяет слухи, что он был у французов в плену и бежал» и что к вечеру 20 июля или к утру 21 июля французские солдаты «непременно будут» в городе. Тем самым жители пали «в страх

и отчаяние» [6, л. 17].

Также известно, что в отдельные селения удельных крестьян приезжали неизвестные и разглашали ложные слухи о скорейшем прибытии французских войск. Так, 21 июля 1812 г. староста удельного имения Спасоникольского приказа Степанов Карп сообщает, что в удельные селения приехали три неизвестных человека и стали слухи «разного рода распространять» [6, л. 13].

Вскоре после ряда аналогичных случаев и страха появления в Великолукском уезде мародёров губернскими властями были предприняты меры для «сохранения спокойствия, доколе требует воинская команда», решено было «подозрительных и вредных людей брать под стражу с описанием вины для предоставления государю-императору».

Широкое распространение ложных слухов и вместе с этим растущее число мародеров к началу августа заставило губернские власти с 3 августа 1812 г. для усиления безопасности по всей границе Великолукского уезда «учредить бекеты» – специальные сторожевые посты [6, л. 70]. Всего было обустроено десять бекетов, которые расположились в следующих селениях: деревня Сеньково, деревня Каршаково, деревня Пехово, деревня Першутино, деревня Степахино, деревня Бурюхино, сельцо Мухино, сельцо Говорово, сельцо Пронино и удельное имение в деревне Капнино [6, л. 71]. После принятия данной меры упоминания о слухах в источниках в явном виде не прослеживаются. С другой стороны, исчезновение слухов в последующий период может быть связано с наступлением русской армии и переносом военных действий все далее на запад.

Новая волна рождения и распространения слухов приходилась на 1822 – 1826 гг. Содержательно эти слухи касались смерти императора Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны.

Согласно источникам, «нелепые

толкования» и «сумасбродные писания» о смерти Александра I и его жены среди населения Псковской губернии (в большей степени среди жителей Псковского уезда) впервые стали распространяться секретарем Машницким в 1822 г. [7, л. 1]. Эти слухи продолжали плодиться среди населения в течение ближайших четырех лет. В ответ на это губернскими властями в начале декабря 1826 г. было принято решение задержать секретаря Машницкого и доставить в Псковский тюремный замок, о чем псковский губернатор А.Ф. Квитка сообщил в донесении псковскому коменданту, командиру внутреннего гарнизонного батальона майору Петрову [7, л. 22]. Из рапорта Псковской городской больницы на имя А. Ф. Квитки известно, что 11 декабря 1826 г. по распоряжению Псковского приказа общественного призрения секретарь Машницкий был доставлен в «дом сумасшедших для содержания в особой комнате» [7, л. 22]. Секретарь был отправлен на прохождение медицинского освидетельствования, в рамках которого «при подробном испытании всеми присутствующими» был единогласно признан «лишенным здравого рассудка» [7, л. 29]. Со дня поступления в больницу бывший псковский секретарь находился под контролем смотрителя больницы, доктора Газенвинкеля. В ходе прохождения лечения оказалось, что Машницкий «был одержим излишней раздражительностью нервной системы и сильным волнением» [7, л. 29об.]. Прохождение курса лечения дало позитивные результаты – уже через несколько месяцев его «припадки уменьшились и можно было надеяться о совершенном выздоровлении» [7, л. 29об.].

Оценить масштаб слухов о смерти императора Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны довольно сложно, так как архивные источники об этом факте умалчивают, но можно предположить, что за 4 года распространения и циркулирования слухов они могли охватить сотни, а, возможно, и тысячи жителей Псковской

губернии. Примечателен и тот факт, что всплеск распространения слухов приходился на тот год, когда императора Александра I и Елизаветы Алексеевны уже действительно не было в живых. Но, несмотря на это, населением активно обсуждались таинственные обстоятельства смерти императора. Таким образом, можно сделать вывод, что определенная часть населения псковской провинции узнавала о резонансных и важных новостях из столицы России с большим опозданием, что и являлось основанием для рождения подобных слухов в условиях информационного вакуума.

Другим предметом слухов, которые циркулировали на территории Псковской губернии в 1826 – 1830 гг., стали ложные известия об освобождении крестьян. В первую очередь, освобождение связывалось с надеждами крестьянского мира на «решительную волю» нового императора Николая I и верой в «доброе царя». Стоит отметить, что подобные слухи имели общероссийский характер. Подтверждением тому являлся Манифест императора Николая I «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян» от 12 мая 1826 г. Первые известия о хождении подобных слухов губернские власти имели уже весной 1826 г. В мае 1826 г. после издания Манифеста Николая I по всем уездам Псковской губернии поступило предписание губернатора о недопущении распространения «неблагодарными и неблагомерными людьми незаслуживающих слухов о вольности крестьян» [8, л. 1]. Там же предписывалось «бдительное смотрение» за «неблагонадежными людьми» и пребывание их под «строгим присмотром» [8, л. 1]. Стоит отметить, что и лично император в своем Манифесте обещал привлечь возмутителей к ответственности по всей строгости закона. Согласно распоряжению Комитета министров 1826 г. для решения дел о крестьянах, распространяющих слухи, созывался особый военный суд, состоящий из «наличных офицеров присланной

Военной Команды с членами уездного суда, в котором происшествие и случилось» [8, л. 3]. Среди основных наказаний для крестьян, которые не повиновались помещикам, предусматривались телесные наказания и ссылка в Сибирь [8, л. 3]. Однако подобные меры способствовали лишь временному затиханию слухов. С новой силой слухи о скорой вольности крестьян стали распространяться в Псковской губернии в начале 1830-х гг. Об этом свидетельствует получение предписания из департамента полиции министерства внутренних дел «О преследовании лиц, распространяющих ложные слухи об освобождении крестьян», в котором сообщалось, что лично до «его императорского Величества дошло, что с некоторого времени» в Псковской губернии стали повторяться «подобно многим прежним» рождаться новые слухи о намерении правительства дать крестьянам свободу [9, л. 2]. Одним из уездов Псковской губернии, в котором активно циркулировали слухи был Островский. Весной 1830 г. островский уездный предводитель дворянства М. А. Назимов неоднократно получал предписания псковского губернатора А. Н. Пещурова с повелением «о преследовании строжайшим образом всех неблагонадежных или развратных людей, кои ложные слухи распространяют» [9, л. 2]. Слухи начала 1830-х гг. подкреплялись все более частыми крестьянскими волнениями и восстаниями, а также общероссийской эпидемией холеры 1830 – 1831 гг. и усугублялись неурожаем 1833 г., который сильно ударил по сельской местности и хозяйству. Вероятнее всего, крестьяне были уверены, что власть прислушается к их недовольству и пойдет навстречу в попытках улучшить их положение. Однако такого шага в начале 1830-х гг. крестьяне не получили, все распространители слухов строго наказывались.

Слухи являются неотъемлемой частью социального пространства Псковской губернии. Особенностью слухов как

исторического источника по изучению истории Псковской губернии первой половины XIX в. является их фрагментарность и неполнота. Поле зрения исследователя ограничено отдельными ссылками на слухи в делопроизводственной документации. Но даже несмотря на эти явные недостатки слухи имеют высокую ценность для историка. Они позволяют узнать настроения простого населения губернии. Кроме того, они отражают те ожидания, которыми жило общество в рассматриваемый период, позволяя сравнить реальное положение дел с пространством слухов, сравнить правду и вымысел.

Вместе с тем не стоит забывать и то, что слухи как источники и отдельное

направление исторических исследований – слуховедение – на сегодняшний день слабо разработанная область исторических знаний, поскольку до сих пор в науке не сложилось единой точки зрения о правомерности изучения слухов как исторических источников. По мнению О.А. Гайлита в современной исторической науке наметилось два методологических подхода, в рамках которых принято изучать слухи. Во-первых, слухи как отдельный самостоятельный источник, во-вторых – как объект или предмет изучения [1, с.46]. На наш взгляд, исследователям еще предстоит кропотливая работа в отношении выработки приемов и методов работы со слухами.

Список литературы

1. Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. 2018. № 4(20). С. 45–52.
2. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3. С. 7–10.
3. Кабанов В.В. Слухи как исторический источник // Источниковедение истории советского общества. Москва: РГГУ, 1997.
4. Кошельков В.А. Военные слухи на территории Псковской губернии в 1812 г. // Материалы Международного молодёжного форума «ЛОМОНОСОВ – 2018». [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2018.
5. Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург. 1995.
6. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 395.
7. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 776.
8. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 747.
9. ГАПО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 361-а.

THE SPACE OF RUMORS IN THE PSKOV PROVINCE IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

The article presents the history, geography and content of the rumors circulating among the inhabitants of the Pskov province in the first third of the XIX century. The historiography and source base on this problem are studied. The documents revealing the content of the rumors are concentrated in the files of the 20 Fund of the State Archive of the Pskov Region. Based on the analysis of these sources, a periodization of the rumor circulation was made. The main periods of spreading rumors in the Pskov province include July – August 1812, 1822–1826, 1826–1830, and the beginning of the 1830s. The author identifies the reasons that prompted the emergence of rumors among the residents of the Pskov Region. The reaction of the ordinary population of the province to the war rumors of 1812 is revealed on separate examples. Special attention is also paid to the reaction of the provincial authorities to the spread of false rumors in all periods of their circulation. The author draws conclusions about the high importance of rumors in the study of the history of the social space of the Pskov province in the first third of the XIX century. The work is relevant due to the fact that it is in recent decades that the attention of the

historical community to the issues of social history has significantly increased. The uniqueness of this study lies in the fact that a number of historical sources are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: social history, social space, military rumors, hearing science.

References

1. Gailit O.A. (2018). Issledovatel'skie vozmozhnosti sluhov i problemy ih izucheniya v rabotah sovremennyh istorikov // Vestnik Omskogo universiteta. №. 4 (20). S. 45–52.
2. Egorov A.K. (2015). Slushy kak obekt istoricheskogo issledovaniya // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. № 3. S. 7–10.
3. Kabanov V.V. (1997). Slushy kak istoricheskiy istochnik. Moskva: RGGU.
4. Koshelkov V.A. (2018). Voennye sluhi na territorii Pskovskoj gubernii v 1812 g. // Materialy Mezhdunarodnogo molodyozhnogo foruma «LOMONOSOV–2018». [Elektronnyj resurs]. Moskva: MAKS Press.
5. Poberezhnikov I.V. (1995). Sluhi v social'noj istorii: tipologiya i funkcii. Ekaterinburg.
6. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 395.
7. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 776.
8. GAPO. F. 20. Op. 1. D. 747.
9. GAPO. F. 366. Op. 1. D. 361-a.

Об авторе

Кошельков Виталий Александрович – аспирант кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.

Koshelkov Vitaly Alexandrovich – graduate Student of the Department of National History, Pskov State University (Russia), E-mail: koshelkow.vital@yandex.ru.